

Кто мя свободит, веру, в неверствии сушу,
 помощи ниоткуда бедной неимушу?
 Аще кто верный христов сей мя освобождает,
 сей мя от лютых врагов сарацин спасает.
 Егда бо так на долзе буду пребывати,
 и в прегор[ь]кой работе век свой скончевати,
 Не имам нарешися яко есмь христова,
 и умрети за его не буду готова.
 Яко мя в неверствие имать превратити,
 аще не пошлет мя бог кого свободити.
 Уста мне супостат мой всегда заграждает,
 узами железными руже истесняет,
 Уста — христово имя да не похваляют,
 руже же — крест на главу да не подвизают.

л. 23 об. Словом вся утесненна бедна пребываю,
 и кто мене от сих уз исторгнет, не знаю.

Сцена 2

Гофред

Уже пременение ныне рассудите,
 холм низиною, холмом же низину зрите.
 Прежде Азия холмом была вечной славы
 и ныне низиною глубокой неславы.
 Луна ю прегордого врага низложила
 с престола, и под свои нозе покорила.
 Прежде страх, прежде трепет была сарадину,
 ужасе окрестную страну не едину.
 Ныне же сама в страсе бедна пребывает,
 низверженна под мечем супостат ругает.
 Тем скорбь мне не малая, яко повергает низу
 с престола враг Азию, раздирая ризу
 На ней благочестия, и веры святая
 одевающий в любовь божию благия
 Скорбь, зане супостату сего не довлеет,
 яко Азию в руках верную имеет,
 Яко неверствием [ю] всюду утесняет,
 яко ругающесе сердце ей пронзает.
 Но еще знамения Христа бога смерти
 восхоте. О болезни! вся тыя пожерти,
 Где и ныне стражею верным запрещает,
 видети, лобызати. Сам не почитает.

л. 24 Егда вспомяну, яко враг землю расширяет,
 веру же неверствием своим¹ прогоняет,
 Яко благочестие зело утесненно,
 яко солнце луною веры потемненно,
 Сердце в себе от тяжкой скорби растерзаю,
 многажды размышляя сие, унываю.
 Не хошу оставити Азию рыдати,
 не допущу² христову и веру ругати
 Супостатом, точию прежде всветую

¹ В рукописи свою.

² В рукописи не допущу.